M 36/603

ФОНДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКИ СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ЯВЛЯЮТСЯ ЦЕННЕЙШИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ ДОСТОЯНИЕМ СОВЕТСКОГО НАРОДА — БЕРЕГИТЕ ИХ!

*

Не делайте никаких пометок и не подчеркивайте текст. Не перегибайте книгу в корешке, не загибайте углы листов.

*

Внимательно просматривайте книгу при получении. Сообщите о замеченных дефектах библиотекарю немедленно.

*

Не выносите книги и журналы из читального зала в буфет, курительную комнату и другие места общего пользования.

*

Книги, полученные по междубиблиотечному абонементу, могут быть использованы только в читальном зале.

*

Возвращайте книги в установленные сроки.

*

В случае инфекционного заболевания в квартире абонент обязан сообщить об этом в Библиотеку.

*

Лица, виновные в злостной порче и хищении книг, отвечают по суду в соответствии с Постановлением СНК РСФСР от 14 сентября 1934 года «Об ответственности за сохранность книжных фондов».

36
603

Г. К. Дорофеевъ.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ БАСЕНЪ
И. А. КРЫЛОВА.

Рѣчь, произнесенная на литературно-музыкальномъ утрѣ, бывшемъ въ Тифлисской I-ой гимназіи 5 марта 1895 года.

ТИФЛИСЪ.
1895.

Г. К. Дорофеевъ.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ БАСЕНЪ

И. А. КРЫЛОВА.

Рѣчь, произнесенная на литературно-музыкальномъ утрѣ, бывшемъ въ Тифлисской I-ой гимназіи 5 марта 1895 года.

5759-О

ТИФЛИСЪ.

Типографія Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, Лорисъ-Мелик. ул., д. каз.

1895.

Перепечатано изъ Циркуляра по управленію Кавказскимъ Учебнымъ Округомъ за 1895 годъ.

2007054736

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ БАСЕНЪ

И. А. КРЫЛОВА.

Наше литературное собраніе посвящено чествованію памяти двухъ замѣчательныхъ дѣятелей великой Русской земли: въ Бозѣ почившаго нашего Государя Императора Александра III и баснописца Крылова. Одинъ—самодержавный повелитель величайшаго въ мірѣ государства и народа, сумѣвшій впечатлѣніемъ своего мощнаго и благороднаго характера обуздать воинственный кличъ враждующихъ народовъ западной Европы; другой—скромный труженикъ на литературномъ поприщѣ, „отмежевавшій себѣ на немъ маленькую, едва замѣтную полоску и потрудившійся надъ ея разработкой почти полвѣка *). Различіе, какъ видите, въ ихъ положеніяхъ, въ сферѣ и размѣрахъ дѣятельности—неизмѣримо огромное. И тѣмъ не менѣе, не смотря даже на то, что и по времени жизни они принадлежатъ къ различнымъ эпохамъ, въ характерѣ и дѣятельности этихъ двухъ замѣчательныхъ лицъ есть чрезвычайно важныя общія черты, которыя даютъ возможность соединить ихъ чествованіе въ одно связное цѣлое.

Среди скорби и сожалѣній, которыми проводили мы и западная Европа прахъ почившаго монарха въ мѣсто вѣчнаго успокоенія, всѣ единодушно признали, что онъ всю жизнь

*) Жуковскій „О баснѣ и басняхъ Крылова“.

самоотверженно и неуклонно стоялъ на стражѣ нашихъ истинно-національныхъ интересовъ, что онъ любилъ Россію, любилъ ея славу и неусыпно заботился о благѣ народа, понимая это благо трезво и просто.

Все это сближаетъ названныхъ лицъ: вѣнценоснаго монарха и баснописца, въ которомъ мы также привыкли видѣть не только перваго по времени геніальнаго истинно-русскаго писателя, но и полное воплощеніе всѣхъ особенностей нашего національнаго духа. Оба они любили Россію; оба они стремились—каждый въ предѣлахъ своей дѣятельности—къ ея благу и славѣ; оба любили русскій народъ. Въ этомъ единствѣ симпатій и стремленій между государемъ и подданнымъ, единствѣ, переходящемъ преемственно изъ поколѣнія въ поколѣніе, заключается глубоко назидательное явленіе: на немъ и только на немъ покоится могущество, долговѣчность и благоденствіе нашего дорогого отечества.

Однако истинная и полная оцѣнка дѣятельности въ Бозѣ почившаго Государя—дѣло будущаго; поэтому мы обратимъ свое вниманіе на Крылова, дѣятельность котораго уже сдѣлалась достояніемъ исторіи, и ограничимъ содержаніе своей рѣчи вопросомъ о воспитательномъ значеніи его басенъ, которыя, какъ извѣстно, съ самаго своего появленія заняли и до нашихъ дней занимаютъ видное мѣсто въ учебной литературѣ.

Разсматривая означенный вопросъ, мы будемъ имѣть въ виду не одну мораль басенъ Крылова, но дѣйствіе всей совокупности ихъ содержанія, образовъ, духа и языка.

Обратимся къ ихъ содержанію. Въ своихъ басняхъ Крыловъ касается самыхъ разнообразныхъ вопросовъ о качествахъ человѣка, о его частной и общественной дѣятельности; но прямыхъ указаній на то, что онъ желалъ бы видѣть въ людяхъ, мы у него найдемъ немного.

Говоря о воспитаніи, Крыловъ настойчиво совѣтуетъ, чтобы родители самымъ тщательнымъ образомъ оберегали дѣтей

отъ дурныхъ вліяній, такъ какъ, по его мнѣнію: „Ученьемъ вреднымъ съ юныхъ дней намъ стоитъ разъ лишь напитаться, а тамъ — во всѣхъ твоихъ поступкахъ и дѣлахъ, каковъ ни будь ты на словахъ, а все имъ будешь отзываться“ („Бочка“). Баснями „Кукушка и горлинка“, „Крестьянинъ и змѣя“ Крыловъ отвѣтилъ на увлеченіе современнаго ему общества всѣмъ иноземнымъ и на обычай поручать воспитаніе дѣтей иностранцамъ. Баснописецъ требуетъ, чтобы подростающее поколѣніе воспитывалось въ связи съ преданіями и вѣрованіями родной страны; онъ предупреждаетъ, что родителямъ не будетъ утѣшенія отъ дѣтей, если воспитаніе ихъ всецѣло ввѣрено „наемничьимъ рукамъ“. Крыловъ цѣнитъ просвѣщеніе, но совѣтуетъ и къ нему относиться съ большою осторожностью, такъ какъ „просвѣщеніемъ зовемъ мы часто роскоши прельщенье и даже нравовъ развращенье; такъ надобно (говоритъ онъ) гораздо разбирать, какъ станешь грубости кору съ людей сдирать, чтобъ съ ней и добрыхъ свойствъ у нихъ не растерять; чтобъ не ослабить духъ ихъ, не испортить нравы, не разлучить ихъ съ простотой и, давши только блескъ пустой, безславья не навлечь имъ вмѣсто славы“ („Червонецъ“).

Не одобряя суемудрія и ученаго педантизма, онъ въ то же время осмѣиваетъ невѣждъ, пренебрежительно относящихся къ „жемчужнымъ зернамъ“ истиннаго знанія, ихъ недоброжелательство, неблагодарность къ наукѣ и искусству, ихъ злословіе, невѣжественный судъ и неумѣлое, хотя подъ часъ и ретивое вмѣшательство въ дѣла, въ которыхъ нужны еще знанія и просвѣщенный умъ *). Однако, защищая науку, баснописецъ не одобряетъ самонадѣянности въ сужденіяхъ о смыслѣ явленій и заносчивости въ стремленіи проникнуть въ тайны бытія.

---

*) „Свинья“, „Свинья подъ дубомъ“, „Оселъ и соловей“, „Голикъ“.

„Хотя въ ученьи (говоритъ онъ) зримъ мы
многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ *)".

Въ литературѣ Крыловъ видитъ орудіе исправленія общественныхъ нравовъ и безпощадно осуждаетъ сочинителя, развращающаго людей своими сочиненіями **), а въ баснѣ „Скворецъ и котенокъ" показываетъ, какъ иногда развратитель самъ гибнетъ отъ своего же питомца. Таковы отношенія баснописца къ воспитанію, просвѣщенію, наукѣ и литературѣ.

Въ другихъ басняхъ онъ разъясняетъ значеніе труда; по его мнѣнію, трудъ спасаетъ человѣка отъ лишеній и безпомощности; онъ не только основаніе личнаго благополучія, но и обязанность гражданина предъ отечествомъ; баснописецъ учитъ трудиться съ терпѣніемъ для блага ближнихъ и въ этомъ находитъ себѣ отраду и утѣшеніе ***); онъ старается возбудить въ душѣ читателя уваженіе къ людямъ, посвятившимъ себя полезному труду, какъ бы ни было скромно поприще ихъ дѣятельности:

Счастливъ, кто на чредѣ трудится знаменитой.
Ему и то ужъ силы придаетъ,
Что подвиговъ его свидѣтель—цѣлый свѣтъ;
Но коль и тотъ почтенъ, кто въ низости сокрытый
За всѣ труды, за весь утерянный покой
Ни славою, ни почестьми не льстится
И мыслью оживленъ одной,
Что къ пользѣ общей онъ трудится". („Орелъ и пчела").

Осмѣивая недостатки, слабости и пороки людей, Крыловъ въ нѣкоторыхъ басняхъ даетъ читателю совѣты и ука-

*) „Водолазы", „Безбожники".

**) „Сочинитель и разбойникъ".

***) „Стрекоза и муравей", „Пчела и муха", „Прудъ и рѣчка", „Обезьяна", „Бѣлки", „Трудолюбивый медвѣдь", „Камень и червякъ", „Лань и дервишъ", „Старикъ и трое молодыхъ".

занія. Въ нихъ онъ учитъ „съ разборомъ заводить друзей“, не презирать ничьего совѣта, „не обижать слабаго“, „не смѣяться чужой бѣдѣ“. Басню „Мальчикъ и червякъ“ онъ начинаетъ такимъ вступленіемъ:

„Не льстись предательствомъ ты счастіе снискать!“ потому что „первый завсегда къ бѣдѣ предатель близокъ“, а басню „Конь и всадникъ“ онъ заканчиваетъ трезвымъ замѣчаніемъ:

„Какъ ни приманчива свобода,
Но для народа
Не меньше гибельна она,
Когда разумная ей мѣра не дана“. и т. п. *).

Въ большинствѣ же своихъ басенъ Крыловъ осмѣиваетъ отрицательныя явленія жизни, предоставляя самому читателю выводить уроки и назиданія. Многія басни послѣдней группы баснописецъ сопровождаетъ своими замѣчаніями; въ нихъ нерѣдко выражается скептическое отношеніе его къ наличнымъ явленіямъ, какъ человѣка умнаго и искушеннаго въ опытахъ жизни.

Такого рода замѣчанія смѣшиваются съ моралью басенъ и многимъ педагогамъ кажутся вредными въ воспитательномъ отношеніи.

По мнѣнію однихъ, такія мысли, какъ „у сильнаго всегда безсильный виноватъ“, „а вору дай хоть милліонъ, онъ воровать не перестанетъ“, и т. п., могутъ вселить въ юные умы ложную мысль о неисправимости пороковъ; по мнѣнію же другихъ, скепсисъ Крылова можетъ развить въ подростающемъ поколѣніи „старческое трезвомысліе, разсудочность“ **) и тому подобныя нежелательныя качества. Такія опасенія

*) Къ баснямъ этой группы относятся: „Лебедь, щука и ракъ“, „Мальчикъ и змѣя“, „Пустынникъ и медвѣдь“, „Оселъ и мужикъ“, „Ягненокъ“, „Плотичка“, „Крестьянинъ и Змѣя“, „Котелъ и Горшокъ“, „Орелъ и Кротъ“, „Левъ и Мышь“, „Левъ и Комаръ“, Чижъ и Голубь“, „Волкъ и Котъ“ и нѣкоторыя другія.

**) „Рус. школа“, ноября 1894 г., ст. Е. Воскресенскаго.

неосновательны, потому что тонъ басенъ Крылова не оставляетъ сомнѣній, на чьей сторонѣ симпатіи баснописца, и по прочтеніи ихъ сердце читателя осуждаетъ вора, насиліе, неправый судъ и т. п. недостатки и пороки, и проникается сочувствіемъ и жалостью къ потерпѣвшему.

Въ школьномъ изученіи басенъ слѣдуетъ въ сознаніи учащихся устанавливать ясное различіе между тѣмъ, что осмѣивается баснописцемъ, и тѣмъ, что должно быть, и на эту послѣднюю сторону обращать ихъ вниманіе *). Мало того, вопросъ о томъ, что должно дѣлать, какъ должно поступать, необходимо въ низшихъ классахъ примѣнять къ дѣтской жизни учащихся и конкретными примѣрами пояснять выводимыя изъ басенъ общія положенія. Имѣя въ виду все вышесказанное, можно быть увѣреннымъ, что скептическое отношеніе Крылова къ наличнымъ явленіямъ жизни ни въ какомъ случаѣ не можетъ внушить юному читателю невѣрія въ торжество лучшихъ сторонъ человѣческой природы; напротивъ, басни направляютъ къ нимъ вниманіе читателя, тѣмъ рѣзче указывая ихъ цѣнность въ частныхъ и общественныхъ отношеніяхъ. Осмѣивая склонность ко лжи, самомнѣніе, заносчивость, дворянскую спесь, неблагодарность людей, ихъ скупость, жадность къ наживѣ, эгоизмъ и безсердечіе, зависть, лесть, неправый судъ, взяточничество, баснописецъ вызываетъ въ душѣ читателя нерасположеніе, отвращеніе къ означеннымъ недостаткамъ и порокамъ и вмѣстѣ съ этимъ даетъ понять, какія качества и дѣйствія заслуживаютъ сочувствія и одобренія; своими баснями Крыловъ пробуждаетъ въ насъ міръ представленій о лучшихъ силахъ души человѣка, о нравственномъ идеалѣ въ частной и общественной его дѣятельности **).

*) Смотр. по этому вопросу у Галахова „Исторія Русской словесности“, Т. 2 стр. 235—238.

**) Смотри Слово въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова преосвященнаго Макарія. Сборн. статей, читан. въ отд. русск. яз. и слов. Императ. Акад. Наукъ, т. VI С.-ПБ. 1869 г.

По справедливому замѣчанію Плетнева, одного изъ наиболѣе глубокихъ цѣнителей нашего баснописца, Крыловъ „для общества—проповѣдникъ строгаго порядка, правосудія и законной власти; злоупотребленія, пороки, глупость нашли въ немъ неумолимаго обвинителя *)". „Нашъ баснописецъ (какъ вѣрно говоритъ Галаховъ) къ морали своихъ басенъ относится осторожнѣе, солиднѣе Лафонтена: частный кругъ явленій онъ не выдаетъ за общее состояніе человѣческой природы. Крыловъ съ большимъ уваженіемъ смотрѣлъ на выбранную имъ литературную форму, обязывая ее, согласно своимъ взглядамъ на литературу, дѣйствовать въ пользу нравственности **)". Вслѣдствіе этого, книгу его басенъ дѣйствительно „можно принять за основу истинъ, общечеловѣческихъ, гражданскихъ, семейныхъ и всякаго человѣка, по какой бы ни проходилъ онъ стезѣ въ жизни ***)".

Таковъ баснописецъ какъ моралистъ и наставникъ. Правда, что его мнѣнія, совѣты и наставленія общи и для взрослаго не новы; но кто поручится, что многое, осмѣянное имъ, не живетъ въ каждомъ изъ насъ и не требуетъ съ нашей стороны борьбы, напряженія сознанія и воли? Что же касается до дѣтей, то едва-ли кто рискнетъ утверждать, что содержаніе басенъ Крылова, его мораль, правила жизни не представляли для нихъ самой свѣжей, любопытной и поучительной новизны.

Характеръ морали Крылова—практическій; это особенно обнаруживается въ выясненіи мотивовъ и причинъ, въ силу которыхъ баснописецъ убѣждаетъ дѣйствовать благоразумно и согласно законамъ нравственности. Вотъ примѣры: изъ басни „Волкъ и Котъ" извлекается назиданіе: „не дѣлай другимъ зла, потому что въ бѣдѣ обиженные тобою люди тебѣ

*) Полное собраніе сочиненій, т. 2, стр. 79.

**) Исторія русской словесности, т. II стр. 335.

***) Полное собраніе сочиненій, т. 2 стр. 79.

не помогутъ". Изъ басни: „Лягушка и Волъ": „не будь завистливъ, потому что это причинитъ тебѣ вредъ или даже погубитъ тебя". Изъ басни „Муравей": „не хвастайся, такъ какъ можешь осрамиться" и т. п. „Философія его (какъ вѣрно говоритъ проф. Никитенко) заключается въ обобщеніи тѣхъ выводовъ, какіе вытекаютъ единственно изъ знаній и опытовъ жизни" *); ея явленія, поступки и качества людей онъ оцѣниваетъ съ точки зрѣнія здраваго смысла; благоразуміе—вотъ основная черта отношеній Крылова къ внѣшнему міру; и его выводы, за весьма малыми исключеніями **), вѣрны, дышатъ тонкимъ, глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца и чужды пристрастія и односторонности. Послѣднее обстоятельство особенно цѣнно въ воспитательномъ отношеніи, а практическая постановка житейскихъ и нравственныхъ вопросовъ сообщаетъ морали Крылова такую убѣдительную разумность и ясность, что большая часть его наставленій и совѣтовъ въ связи съ баснями легко дѣлаются достояніемъ дѣтской душевной жизни. Это тѣмъ понятнѣе и естественнѣе, что басни его отличаются высокою художественностью. „Крыловъ (говоритъ Плетневъ) въ точномъ смыслѣ слова поэтъ. Область его созданій озарена свѣтомъ истинной жизни; всѣ образы у него движутся, дѣйствуютъ; въ нихъ есть теплота и одушевленіе. Онъ строгъ къ себѣ, какъ стоикъ; но это не лишило цвѣтовъ его поэзіи; на нихъ блестятъ краски; они сочны и роскошны, какъ лучшіе первенцы весны" ***). Живость изображенія, естественность и простота разсказа, полное соотвѣтствіе формы характеру содержанія, скульптурная пластичность деталей,

*) Записки Академіи Наукъ 1868 г., т. XIV, кн. 1 стр. 25.

**) Къ баснямъ, безусловно слабымъ по выводамъ слѣдуетъ отнести: „Огородникъ и философъ", „Пловецъ и море", „Механикъ", „Откупщикъ и сапожникъ", „Два голубя", "Троеженецъ". Водовозовъ сюда же относитъ: „Сочинитель и Разбойникъ". А. Галаховъ, становясь на историческую точку зрѣнія, осуждаетъ еще смыслъ слѣдующихъ басенъ: „Ларчикъ", „Любопытный", „Конь и всадникъ", „Крестьянинъ и лисица".

***) Полное собраніе сочиненій, т. 1 стр. 341.

вотъ тѣ общія условія, отъ которыхъ, по общепризнанному убѣжденію, зависитъ художественность басенъ Крылова. „Ни одинъ изъ поэтовъ (говоритъ Гоголь) не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ.... Предметъ, какъ-бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собой, натурою передъ глаза“ *). Поэтому читая и изучая басни Крылова, дѣти живутъ вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами басенъ и обогащаютъ свой умъ и сердце новыми, разнообразными и цѣнными впечатлѣніями.

Самый языкъ и стихъ его до настоящаго времени представляетъ замѣчательное явленіе въ русской литературѣ. Одинъ изъ современниковъ Крылова назвалъ его стихъ „увѣсистымъ“; опредѣленіе очень мѣткое; но это качество не мѣшаетъ ему быть необыкновенно гибкимъ и разнообразнымъ по характеру выраженія и даже звуковъ. Его стихъ (говоритъ Гоголь) „звучитъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака“ **). Онъ медленъ и тяжеловѣсенъ (добавимъ мы), гдѣ дѣйствіе развивается медленно и неуклюже; онъ сжатъ и быстръ, какъ молнія, гдѣ нужно выразить мгновенно совершающееся дѣйствіе. Вотъ примѣры:

1) „Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу;
Самъ думаетъ: „Ужъ я тебя, вструху“!
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть—хвать друга камнемъ въ лобъ“!
(„Пустынникъ и медвѣдь“).

2) „Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,

*) Полное собраніе сочиненій, т. IV „Въ чемъ же существо русской поэзіи?“.
**) Полное собраніе сочиненій, т. IV „Въ чемъ же существо русской поэзіи“?

Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и семьей дворянъ
Четверкою рыдванъ тащился („Муха и дорожные"), и тутъ же:

„Межъ тѣмъ лошадушки, шагъ-за-шагъ, понемногу втащилися на ровную дорогу".

„Ну", муха говоритъ: „теперя Слава Богу!
Садитесь по мѣстамъ, и добрый всѣмъ вамъ путь;
А мнѣ ужъ дайте отдохнуть!
Меня насилу крылья носятъ".

Соотвѣтствіе формы характеру содержанія у нашего баснописца нерѣдко простирается даже до звукового сходства стиха съ природой изображаемыхъ предметовъ:

Примѣры:

1) „Смотри-ка, квакушка, что буду-ль я съ него"?
Подругѣ говоритъ. „Нѣтъ, кумушка, далеко"!
„Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко.
Ну каково"? („Лягушка и волъ").

2) „Эхъ, эхъ!" ей Моська отвѣчаетъ.

3) Въ свой рядъ смиренный волъ имъ такъ мычитъ: „И мы грѣшны". („Моръ звѣрей").

Сообщить такія свойства стиху возможно только при глубокомъ знаніи языка, при необычайной чуткости въ пониманіи характера отдѣльныхъ его словъ, формъ и выраженій,— и Крыловъ былъ, дѣйствительно, геніальнымъ знатокомъ русскаго языка. По выраженію Плетнева: „ему Богъ ниспослалъ благодать слова", и „внутренній міръ его до такой степени хранилъ тожество съ внѣшностью, умъ его въ такой тонкости постигалъ легчайшіе оттѣнки и особенности русскаго смысла, положеній, привычекъ, языка, звуковъ, красокъ....., что слово его съ самаго своего появленія въ головѣ до послѣдней обстановки въ поэтическомъ созданіи, каждымъ движеніемъ, каждою чертою въ совершенствѣ выполняло свое

призваніе“ *). Можно, конечно, указывать отдѣльныя ошибки и промахи и у Крылова, **) но, по вѣрному замѣчанію И. И. Срезневскаго, „они исчезаютъ въ несчетномъ множествѣ разнообразныхъ красотъ чисто русскаго языка и въ силѣ и задушевности, которою онъ проникнутъ не менѣе, чѣмъ языкъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ“ ***).

Указаніе различныхъ лексическихъ, этимологическихъ, синтактическихъ и др. особенностей языка Крылова, конечно, нѣсколько разъясняетъ, что именно въ немъ народнаго съ внѣшней стороны; но одно это, безъ сомнѣнія, не составитъ и не объяснитъ того внутренняго духа народности, которымъ проникнута рѣчь нашего баснописца, и который глубже постигается нашимъ непосредственнымъ чувствомъ: мало знать народное слово или оборотъ рѣчи, надо еще умѣть употребить его именно тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и такъ, какъ слѣдуетъ. Въ этомъ умѣньи—тайна Крылова, тайна, ожидающая еще своего изслѣдователя ****).

Народность басенъ Крылова, какъ извѣстно, есть одно изъ самыхъ выдающихся условій ихъ неувядаемой свѣжести и поэтическаго достоинства; но она выражается не въ одномъ языкѣ этихъ маленькихъ, полныхъ жизни и движенія, произведеній: самые типы, ихъ дѣйствія, взгляды, самый характеръ ихъ мышленія,—все это проникнуто у Крылова глубокой народностью.

„Въ нихъ (говоритъ Плетневъ) наружное положеніе, самый ходъ внутреннихъ ощущеній, столкновеніе съ побочными препятствіями, напряженіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, улыбка удачи и грубое восклицаніе промаха выставлены на

*) Полное собраніе сочиненій, т. 2 стр. 2.

**) Смотр. Водовозова „Новости Русской Литературы“, ст. о Крыловѣ.

***) Записки Императорской Академіи Наукъ, т. XIV стр. 89.

****) Смотр. Слово Митрополита Макарія въ день столѣтняго юбилея И. А. Крылова и И. И. Срезневскій, Записки Императорской Академіи Наукъ 1868 года, т. XIV, стран. 89.

судъ и наслажденіе не въ общихъ или только приблизительныхъ чертахъ, а въ яркой недѣлимости, которую геніальною кистью сорвалъ живописецъ съ русскаго натурщика" *).

Басни Крылова—„это лучшая картинная галлерея, въ которой первоклассный живописецъ собралъ характерные наши портреты, сохранивши со всею вѣрностью не только ихъ выраженіе, но и костюмы до послѣдней мелочи" **). „Въ отечествѣ нашемъ (говоритъ профессоръ Никитенко) не было другого сильнаго ума, который бы, подобно Крылову, воплотилъ въ себѣ самыя стихіи народной индивидуальности, психологическія особенности народа. Равнодушный ко всѣмъ выспреннимъ, утопическимъ и оптимистическимъ міровоззрѣніямъ, тонкій наблюдатель жизни и знатокъ человѣческаго сердца, аналитикъ и немножко скептикъ въ житейской практикѣ, онъ—естественно—былъ склоненъ къ ироніи; но и ее онъ обнаружилъ въ народномъ смыслѣ и тонѣ: это спокойная, лукавая и вмѣстѣ добродушная иронія" ***), та иронія, добавимъ мы, которая среди всѣхъ испытаній и тяжкихъ неудачъ жизни, спасаетъ русскаго человѣка отъ пессимизма и отчаянія. Изъ всего сказаннаго понятно, почему и міросозерцаніе Крылова отличается также народностью: многимъ изъ его басенъ, какъ извѣстно, соотвѣтствуютъ пословицы, и многія изъ его выраженій стали пословицами ****). Таковы басни „дѣдушки Крылова" со стороны ихъ содержанія, поэтическихъ достоинствъ, стиха, языка, тона и характера заключеннаго въ нихъ мышленія.

Вдумываясь, какъ подобнаго рода литературный матеріалъ можетъ дѣйствовать на подростающее поколѣніе, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Трезвость и здравомысліе, вѣрное и осторожное отноше-

*) Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 3.

**) Плетневъ. Полное собраніе сочиненій, т. II, стр. 80.

***) Записки Императорской Академіи Наукъ 1868 года, т. XIV, стр. 89.

****) См. „Библіогр. и Историч. примѣчанія къ баснямъ Крылова" Кеневича.

ніе къ явленіямъ жизни, чуждое односторонности и пристрастія—это тѣ качества, которыми характеризуется мышленіе въ басняхъ Крылова; и конечно, все это должно оказывать вліяніе на дѣтскую натуру, вызывая къ дѣятельности именно тѣ ея силы, которыя въ ней еще дремлютъ и слабо развиты. Мы не хотимъ сказать, что басни Крылова сдѣлаютъ подростающее поколѣніе разсудительнымъ, благоразумнымъ, заставятъ его безпристрастно относиться къ явленіямъ окружающей жизни: душа человѣка, развитіе и взаимодѣйствіе ея силъ не такъ просто и легко поддаются внѣшнему вліянію; но что басни Крылова помогаютъ развитію, вызываютъ къ жизни названныя весьма цѣнныя силы и качества души—это несомнѣнно.

Потребность посмѣяться свойственна всѣмъ людямъ, а дѣтямъ въ особенности; ихъ подвижность, впечатлительность, бьющая черезъ край энергія и веселость дѣлаютъ смѣхъ однимъ изъ существенныхъ элементовъ ихъ маленькой, но очень интенсивной внутренней жизни. Однако чувство смѣха слѣпо; оно, пожалуй, нуждается болѣе, чѣмъ другія внутреннія чувства, въ правильномъ развитіи и направленіи: какъ часто люди смѣются надъ тѣмъ, надъ чѣмъ имъ слѣдовало бы плакать—извѣстно всякому серьезно мыслящему человѣку.

Басни Крылова и въ этомъ отношеніи оказываютъ незамѣнимую услугу: онѣ идутъ навстрѣчу одной изъ существенныхъ потребностей дѣтскаго возраста и даютъ ей вѣрное направленіе. Было бы неразумно лишать дѣтей возможности посмѣяться надъ тѣмъ, что заслуживаетъ осмѣянія: вѣрно направленный смѣхъ, какъ извѣстно, одно изъ могущественныхъ орудій обузданія людскихъ недостатковъ и пороковъ. Въ басняхъ изображаются силы, качества и свойства души человѣка и его дѣйствія. Раскрывая передъ внутреннимъ взоромъ подростающихъ поколѣній міръ душевныхъ явленій, басни обогащаютъ ихъ умъ свѣдѣніями психологическаго харак-

тера, которыя для дѣтей такъ же новы, какъ для взрослаго данныя впервые изучаемой науки; но этого мало, онѣ сразу же пріучаютъ дѣтей къ правильной оцѣнкѣ силъ и свойствъ души человѣка, помогая имъ разбирать, что въ ней заслуживаетъ осмѣянія и порицанія и что—сочувствія и одобренія. „Образы (говоритъ В. Островскій), воспринятые дѣтьми изъ басенъ Крылова, впослѣдствіи помогутъ имъ различать людей и въ литературѣ и въ жизни". *) Правда, что дѣйствующія лица въ его басняхъ отличаются элементарностью и простотой характеристики: типы басенъ не полны и не сложны, какъ вѣрно замѣчаетъ это г. Водовозовъ; но эта элементарность и простота типовъ, выведенныхъ въ басняхъ, и только въ нихъ (кстати сказать) вполнѣ естественныхъ, лишь облегчаетъ указанную задачу юному уму, для котораго изображеніе сложныхъ душевныхъ явленій совершенно непонятно. Правда также, что мораль Крылова, его выводы и наставленія, взятыя отдѣльно отъ басенъ, могутъ оказаться (и то не всегда) не вполнѣ доступными дѣтскому пониманію во всей глубинѣ своего смысла,—но значеніе басенъ для дѣтей заключается вовсе не въ отдѣльныхъ выводахъ и отвлеченныхъ правилахъ, а въ томъ, что изъ нихъ умъ и сердце дѣтей обогащаются такими впечатлѣніями, которыя понемногу, незамѣтно для ихъ сознанія, вырабатываютъ въ нихъ общее настроеніе въ хорошую сторону, развивая въ нихъ, такъ сказать, предчувствіе нравственныхъ идеаловъ, пониманіе которыхъ для дѣтей еще недоступно. Наконецъ, черты глубокой народности, которыми насквозь проникнуты басни Крылова, его любовь къ отечеству и народу, дѣлаютъ изученіе ихъ въ русской школѣ особенно цѣннымъ еще въ томъ отношеніи, что „дѣти (какъ выражается В. Бѣлинскій) безсознательно и непосредственно напитываются изъ нихъ русскимъ духомъ,

*) „Русскіе писатели какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми" стр. 15.

овладѣваютъ русскимъ языкомъ и обогащаются прекрасными впечатлѣніями почти единственно доступной для нихъ поэзіи“ *).

Послѣ всего сказаннаго, милостивыя государыни и милостивые государи, понятно, почему баснямъ Крылова въ разумномъ выборѣ отводится да и всегда будетъ отводиться почетное мѣсто въ русской школѣ.

*) Полное собраніе сочиненій, т. IV, стр. 96.

Г. Дорофеевъ.

ограждают русский язык и обогащают переводными выражениями почти единственно доступной для них поэзии [*]).

После всего сказанного, многостепенность государыни и многостепенные государи, понятно, почему басням Крылова не разумное место в русской школе.

*) Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 96.

Г. Добролюбов.

Bibl. Jur.

2007054736